

♦ СЛЕДЫ ДО ПРОБУЖДЕНИЯ ♦

Место между нами

♦ Денис Пожидаев ♦

Денис Пожидаев

Место между нами

<https://litres.ru/74320878>

SelfPub; 2026

Аннотация

Межень начинается не с ворот, а с моста, у которого два края. Здесь живут близко — так близко, что перестают чувствовать, где один человек, а где другой. Мальчику Лиору предстоит понять трудное: любить не значит слиться в одно, а быть рядом — не значит потерять себя. Элиан и его спутники помогают удержать то самое место между людьми, без которого близость превращается в тесноту. Четвёртая повесть — про привязанность и границу, про то, что настоящая близость оставляет каждому его воздух.

Денис Пожидаев

Место между нами

СОН, КОТОРЫЙ ПОМНИТ

Цикл «Следы до пробуждения»

МЕСТО МЕЖДУ НАМИ

Повесть четвёртая

Глава 1. Общий путь

Межень начиналась не с ворот, а с моста, у которого было два края.

Точнее, с целой системы мостов: один путь над водой расходился на параллельные настилы, шёл разными досками, разными перилами, чтобы двое могли идти рядом — и всё же каждый по своему краю. Команда вышла к этому узлу утром, и Элиан сразу понял, что не знает здешних правил: тут даже дорога была устроена так, чтоб между идущими оставалось место.

У сломанной скобы работали двое подростков. Девочка чинила одну её половину, мальчик придерживал вторую —

руки в лад, без слов, как работают те, кто давно сработался. Они перебрасывались шутками, спорили легко, дополняли друг друга. Это были Лиор и Ивена, и они, как выяснится, дружили с малолетства.

— По остаточному шагу видно, какой мост держит, — объяснил Лиор Элиану, показывая на вмятины в мокром дереве. — Где люди прошли много раз, там доска проверена. Идите по следу — не ошибётесь.

— След показывает, где шли, — поправила Ивена, не поднимая головы от скобы. — А не куда хотели попасть. Это разные вещи, Лиор. Люди часто ходят не туда, куда им надо.

Лиор всё же провёл команду верно — через опасный участок, по проверенным доскам. Он и вправду чувствовал город лучше взрослых. А белый ключ в кармане Карманыча чуть потяжелел — Элиан заметил где: там, где след Лиора и след Ивены на настиле сходились в один, вплотную, без зазора.

Кончив со скобой, Ивена перешла на другой край настила — на свою половину. Лиор не пошёл за ней телом. Но, глядя ей вслед, сказал:

— Ты всё равно пойдёшь через Второй Спуск. Тебе так удобнее.

Ивена выпрямилась.

— Не сокращай дорогу за двоих, — сказала она.

— Я только сказал, где тебе удобнее.

— Удобнее кому? — Ивена смотрела на него. — Тебе

удобнее, чтоб я пошла там, где ты меня чувствуешь. Я ещё не решила, где пойду.

И она сняла свою половину скобы — забрала её, разъединила то, что они только что держали вместе. Лиор смотрел не на скобу. Он смотрел на направление, которого она ещё не выбрала, — и уже, кажется, его знал.

Раньше меж тем прошёл мост по третьей линии — не по кратчайшей, а по той, где вправду ступали лапы: след ложился ровно под ним, факт, а не желание.

Средними Дворами их повёл Лиор — и по дороге, сам того не замечая, всё сокращал расстояние.

Двор за двором открывались проходами: между домами тянулись переходы, внутренние сады, гостевые пороги. Почти все двери стояли приоткрытыми.

— У нас близким проще оставить путь открытым, — сказал Лиор с гордостью хозяина, показывающего своё. — Чтoб зайти друг к другу, не спрашивая. Дверь нараспашку — значит, ты свой.

— Проще не значит обязательно, — сказала Ивена. — Вон те двери закрыты. И их хозяева тоже кому-то свои.

Из бокового двора кого-то окликнули: женщина, встрево-

женная, просила Лиора почувствовать — вернулся ли уже её брат, дома ли он. Лиор покачал головой.

— Без причины не читаю, — сказал он ей вежливо. — Вы не давали мне права. Захотите — сами скажете, тогда посмотрю.

Элиан отметил это: правило согласия мальчик знал твёрдо. Знал — и почему-то не применял его к Ивене.

Карманыч по дороге разглядывал город со своим профессиональным вниманием и бормотал опись: двойные ключи на одной ленте, парные ремни перехода, мостовые знаки «на двоих». А Тильда, оглядывая двор двумя взглядами, сказала вдруг:

— Станный у вас город. У вас даже между двумя людьми стоит мебель. Пороги, скамьи, комнаты ожидания — целая обстановка в пустом месте. Будто промежуток — отдельная комната, в которой живут.

— После обеда я пойду одна в Нижние Мосты, — сказала Ивена — не Лиору, просто вслух.

— Я знаю, — сказал Лиор.

Ивена остановилась.

— Откуда ты знаешь, куда я пойду? Я только что решила. Вслух сказала — сейчас. А ты уже знал.

Лиор открыл рот и не нашёл, чем ответить, кроме правды.

— Твой след, — тихо сказал он. — Он уже появился. Раньше твоих слов.

И Ивена, услышав это, перестала считать его вниматель-

ность просто внимательностью. Она сменила тему — но дальше пошла не рядом с ним, а ближе к Тильде.

В боковом дворе пропал ребёнок, и мать металась, повторяя один и тот же путь к воротам.

— Он был тут, я отвернулась, его нет, я туда, к воротам, он же всегда к воротам, я туда бегала уже трижды...

— Не ходите туда снова, — сказал Лиор. Мягко, но твёрдо. — Пожалуйста. Стойте. Сейчас я читаю уже вас, а не его. Ваш след затирает его.

Мать замерла. И Элиан, стоя рядом с Лиором, впервые увидел краем, как тот читает: место, где стоял ребёнок, было лёгкой вмятиной, чуть тёплой; а путь матери — тугой, натянутой линией, гудящей от повторения, куда громче детского.

Лиор отделил одно от другого. Убрал материнскую линию, оставил детскую вмятину. Нашёл два направления и выбрал то, где след не повторялся, — узкий сад за решёткой. Там ребёнок и сидел, целый, увлечённый мелом на камне.

— Спасибо тебе, — сказала мать, прижав сына. — Ты возвращаешь. Ты из тех, кто возвращает.

Лиор принял это. Ему было приятно — Элиан видел.

— Самый сильный след, — тихо сказала Тильда, глядя на

мать, — оставляет не тот, кто ушёл.

— А тот, кто ждёт? — спросил Элиан.

— Иногда, — сказал Лиор. — Иногда ожидание громче ухода. Так громко, что уже не слышно самого ушедшего.

Он сказал это про мать с ребёнком — а Элиан почему-то подумал о другом. О себе. О том пустом месте в собственной памяти, где было чьё-то признание, и о том, нельзя ли вот таким даром — по вмятине, по натянутой линии — нащупать человека, которого он не помнит. Мысль была неудобная. Он её отложил, но она осталась.

А Лиор вдруг нахмурился, глядя в сторону.

— Ивена всё-таки пойдёт через Второй Спуск, — сказал он. — Я чувствую. Она решила.

В учебном дворе Нижних Мостов Ивена подавала карту на подпись — и подписать её должен был Оран, мастер размыкаемых соединений.

Оран, немолодой, с руками в масле, первым делом проверял на образце раздельного моста крепления — те, что можно и соединить, и разнять. Он дёргал, защёлкивал, размыкал, показывая: держит крепко — и всё же расходится, если надо.

Ивена выложила свою учебную карту. Но не всю — раз-

вернула только верхнюю часть, а нижний сгиб оставила сложенным, закрытым.

Лиор это заметил. И, сам не касаясь бумаги, чуть подался вперёд — попытался почувствовать, куда ведёт закрытый сгиб, какое там направление.

Ивена накрыла карту ладонью.

— Она давала тебе разрешение? — спросил Оран, не грозно, а как спрашивают о правиле. — Смотреть закрытое?

— Я ничего не открывал, — сказал Лиор.

— Ты всё равно посмотрел, — сказала Ивена.

Оран отложил образец и сказал — не Лиору лично, а будто продолжая урок про крепления:

— Соединение без способа разъединить — не крепление. Это захват. Хорошая связь та, что держит и размыкается по воле обоих. А та, что держит и не отпускает, называется иначе.

Лиор вспыхнул — он услышал это как обвинение себе, хоть Оран и говорил про скобы.

А потом Оран сказал то, от чего у мальчика изменилось лицо:

— Карта в порядке. Документы Ивены на отдельное обучение уже поданы. Три месяца. Всё оформлено.

Уже поданы. Ивена решила — и оформила — раньше, чем сказала Лиору. А Лиор, не знавший о заявлении, уже чувствовал её направление: знал, куда она пойдёт, ещё не зная, что она уходит.

Он не устроил скандала. Он просто стоял, и Элиан видел, как в нём это складывается — не в обиду пока, а в глухой, недетский страх.

Глава 2. Первый возврат

Над Нижними Мостами была площадка — сюда поднимались, чтоб поговорить без лишних ушей: ветер тянул в зазорах между досками и уносил слова вбок, никому.

Туда Ивена и позвала Лиора. Элиан держался чуть поодаль — не подслушивать, а потому что Лиор попросил его остаться рядом; при постороннем мальчик спорил тише.

— Три месяца, — сказала Ивена. — Отдельное обучение, на Дальнем берегу. Я уже решила, ты знаешь. Я говорю не чтобы спросить, можно ли. Говорю, чтоб ты знал.

Что-то в лице Лиора дрогнуло на «я уже решила» — будто он эти слова уже слышал однажды, в другой раз, от другого человека, и тот человек не вернулся.

— Каким путём пойдёшь? — спросил он.

— Обычным.

— Через какой мост?

— Лиор.

— Я просто спрашиваю, — сказал он. — Чтоб знать, что дорога проверена. Я же вижу, где держит.

Ивена молчала. И Элиан слышал в её молчании то же, что слышал и Лиор: за «чтоб знать, что дорога проверена» стояло другое — согласуй со мной, куда ты идёшь. Не приказом. Заботой, которая хочет быть в курсе каждого её шага.

— Ты пойдёшь понизу, вдоль воды, — сказал Лиор. — Не поверху. Ты сегодня уже дважды посмотрела туда, вниз, и вставала левее. Ты пойдёшь понизу.

Он не хвастался. Он просто знал — и не мог не сказать. А Ивена этого ему не говорила.

— Перестань меня читать, — сказала она. Тихо, но так, что ветер не смог унести. — Я не давала тебе дороги ко мне. Ты берёшь её сам.

— Я не держу тебя, — сказал Лиор. — Я хочу, чтоб ты вернулась.

— Я могу вернуться только туда, откуда мне позволили уйти, — сказала Ивена. — А ты не отпускаешь. Ты уже стоишь на моей дороге и ждёшь. Как мне вернуться к тому, кто не дал уйти?

Лиор долго молчал. А потом спросил — тихо, по-детски, совсем не как тот уверенный проводник с утреннего моста:

— А если ты не вернёшься?

— Тогда, — сказала Ивена, — это будет не то, что ты можешь решить сейчас.

И они спустились с площадки — но по разным лестницам,

каждый по своей. Раньше сошёл первым, по средней: по той, где вправду были ступени, а не по той, куда тянулся взглядом Лиор.

В доме Порог стол накрыли на четверых, а село трое.

Четвёртое место было Сайрино: тот же стул, та же щербатая чашка на крючке чуть в стороне — так в Межени по обычаю держат место ушедшего, пустым и чистым, чтоб было куда вернуться. Только держать его полагалось именно пустым. А Эмра, разливая чай, привычно потянулась и к четвёртой чашке — сняла с крючка, подержала в руке и повесила обратно. Мелочь. Но Элиан заметил: рука шла к пустому месту сама, будто там кто-то был.

Эмра была мастер порогов — чинила и ставила городские пороги, знала о встречах и проводах больше всех в квартале. И за своим столом она вела дом так же: мягко, тепло и не спрашивая впускала Ивену внутрь семьи, будто та давно уже тут своя.

— Ну а обучение это, — сказала она Ивене, подвигая ей хлеб на двоих, — надолго тебя заберёт? Ты подумала, каково будет Лиору? Ему после всего тяжело, когда близкие уходят надолго.

Разговор, начавшийся про обучение, за минуту стал семейным — будто решала не Ивена про себя, а семья про своё.

— Я подумала о себе, — сказала Ивена. — Решение — про меня. Не про Лиора.

Эмра посмотрела на неё — не зло, а с той тёплой материнской тревогой, которой страшно за сына:

— После Сайры, — сказала она тихо, — он не выдержит ещё одного такого ухода.

Наступила пауза. Лиор молчал. Он не сказал ни слова за весь разговор — но Элиан видел, как он чуть выпрямился, ощутив за спиной мать: за него говорили, его защищали, и ему было тепло, что защищают.

— Я не Сайра, — сказала Ивена. — Я не ухожу навсегда. Я иду учиться и вернусь. И я не обязана оставаться, чтоб кто-то что-то выдержал.

Слово «Сайра» легло на стол, как четвёртый прибор. И Лиор — Элиан увидел это ясно — посмотрел не на Ивену, которая говорила, а на пустой стул, который молчал.

У Леды, матери Ивены, дом был другой — и дело не в вещах.

Здесь тоже ждали дочь на три месяца. Но места ей заранее не готовили, стула под чужим приглядом не берегли. Леда сидела прямо, сухая, спокойная, и говорила о деле.

— Мне довольно, чтоб раз в декаду приходило сообщение, что она цела, — сказала она Орану. — Не маршрут. Не куда пошла и с кем. Только — жива, здорова, всё хорошо. Остальное — её.

Оран проверял поданные документы — крепления, сроки, подписи, — и всё было в порядке; ту часть карты, что Ивена держала закрытой, он открыть не потребовал.

Лиор подался вперёд.

— Я могу читать её на расстоянии, — сказал он. — Если что случится, я первый почувствую. Пусть я буду аварийным, на всякий случай. Я не стану смотреть просто так — только если беда.

Он предлагал это как помощь. Он и вправду мог бы. Элиан видел: мальчик не хитрил — он искренне хотел быть той нитью, по которой всегда дотянется до Ивены.

— Нет, — сказала Леда.

Просто нет. Без объяснений, будто их и не требовалось.

— Но я бы почувствовал беду раньше всех, — сказал Лиор.

— Да, — согласилась Леда. — И всё равно нет. Если между ней и домом всегда протянута нить, по которой её видно, — значит, она не ушла. Она на привязи подлиннее, только и всего. Я хочу, чтобы она вернулась. — Леда помолчала. —

Но это моё желание. Не её долг. Я не стану держать её нитью, чтоб добрать себе спокойствия.

Ивена не сказала ничего. Но Элиан заметил: впервые за день она села не дальше, а ближе — к матери, которая только что отказалась её держать.

А сам Элиан думал о своём. О том пустом месте в собственной памяти, где кто-то кому-то сказал «это сделала я». И спрашивал себя: смог бы он — будь у него кто-то, кого можно вернуть, — вот так же разжать руку? Сказать: хочу, чтоб ты вернулся, но держать не буду. Он не был уверен, что смог бы.

Вечером Ивена пошла домой — Вторым Спуском, тем самым, что Лиор назвал ей ещё утром.

Она сделала это нарочно. На развилке она не надела общую скобу — ту, которой связывают руки на скользком спуске, чтоб идти в паре. Взяла свою половину, а Лиору не подала. «Я сама», — сказал этот жест яснее всяких слов.

Лиор остался наверху, на переходе. Не пошёл следом. Он умел не идти телом — Элиан уже знал за ним это. Мальчик просто стоял у перил и смотрел вниз, туда, куда уходила Ивена.

Спуск был длинный, с одним крутым поворотом, за которым дорога ныряла к Нижним Мостам и терялась из виду. Ивена дошла до поворота. Шаги её звучали отдельно, сами по себе — вниз, ровно, прочь.

И тут Элиан заметил странное.

Промежуток между Лиором наверху и Ивеной внизу — тот самый, о котором Тильда сказала «отдельная комната», — начал как будто сокращаться. Не мост двинулся, не люди. А расстояние между этими двумя стало короче, чем ему казалось быть по камню и доскам. И звук её отдельных шагов и звук дыхания Лиора наверху сближались, будто кто-то невидимый сводил два разных ритма в один общий такт.

Белый ключ в кармане Карманыча дрогнул и потяжелел — молча, коротко, как тяжелеет воздух перед близкой грозой.

Ивена прошла поворот и скрылась.

Минута. Другая.

А потом она появилась снова — не внизу, куда шла, а сбоку, с другой стороны перехода. Оттуда, откуда только что смотрел ей вслед Лиор. Вышла и остановилась, растерянная.

— Я... — она оглянулась на дорогу за спиной. — Я, наверное, свернула не туда. Ошиблась поворотом.

И пошла снова. Тем же Спуском, тем же поворотом, внимательно, считая шаги, — Элиан видел: она не ошибалась, шла точно вниз, прочь.

И через минуту опять вышла сбоку. Рядом с Лиором.

Не ошиблась. Дорога сама привела её обратно — к тому,

от кого она уходила. Второй раз. Два возврата за вечер, и оба — не по её воле.

Ивена стояла очень тихо. Она была из тех, кто не пугается зря. Но сейчас Элиан увидел, как до неё доходит — медленно, холодно: не она сбилась. Её вернули.

А Лиор — Элиан посмотрел на него и похолодел сам — Лиор не был испуган. То есть в первый миг был, когда она пропала за поворотом. Но едва она вышла обратно, рядом, к нему, по лицу мальчика прошло облегчение. Тёплое, почти счастливое. Она хотела уйти — и вот она снова здесь. С ним.

Он ничего не сделал руками. Ничего не делал нарочно. Но что-то в городе, в самом устройстве этих мостов и промежутков, услышало то, чего он хотел, — и исполнило.

Ивена перевела взгляд с дороги на Лиора. И спросила — тихо, без крика, оттого только страшнее:

— Что ты сделал?

Лиор открыл рот. И не нашёл ответа. Потому что он и правда ничего не делал — и в этом было хуже всего.

Глава 3. Старый след

Всю первую половину ночи они пытались вывести Ивену

со Второго Спуска — и не могли.

Оран снял технические скобы — все крепления, какими держат человека на переходе, — чтоб исключить: вдруг дело в металле, вдруг что-то тянет назад механически. Убрал всё до последней петли. Спуск стал голым.

Леда пошла рядом с дочерью — не ведя, не держа за руку, просто плечом к плечу, чтоб та не была одна. Лиор остался на верхней площадке, как и в прошлый раз.

Ивена выбрала другой выход — не поворот, а прямой сход к воде, совсем в стороне. Прошла его весь, до конца, вышла к нижней набережной.

И оказалась снова наверху. У прежней точки. Рядом с Лиором.

Она уже не сказала «ошиблась». Молча развернулась и пошла опять — третий раз за ночь. Элиан видел, чего ей это стоит: шаг делался тяжелее, дыхание короче, будто каждый возврат отнимал у неё силу, как отнимает долгая болезнь. Дорога не била её. Дорога просто не пускала — мягко, неотвратно, как вода не пускает утонуть вверх.

— Это не крепления, — сказал Оран, вертя в руках снятую скобу. — Металл я убрал весь. Держит не вещь. Держит что-то, чего руками не снять.

— Это Схождение, — сказал Лиор. Тихо, испуганно. — Я про него слышал, но... Я этого не делаю. Честное слово, я ничего не делаю. И остановить не могу.

И он, кажется, впервые сам себя испугался.

Тогда Тильда, глядя двумя своими взглядами разом — на Ивену внизу и на Лиора наверху, — сказала:

— Лиор. Отойди. Просто отступи назад, вглубь площадки. На несколько шагов.

Лиор посмотрел непонимающе. Но отступил — раз, другой, третий, вглубь, прочь от перил, так что перестал видеть Ивену.

И в тот же миг Элиан почувствовал, как ослабевает натяжение. Не исчезло — ослабло. Промежуток между ними, весь вечер сжимавшийся, чуть расправился, вздохнул. Ивена, шедшая внизу, прошла свой поворот — и не вышла обратно. Просто прошла дальше. На несколько шагов дальше, чем удавалось за всю ночь.

Лиор шагнул к перилам — взглянуть, вернулась ли, — и натяжение тут же вернулось, и Ивену снова повело назад.

Все, кто был на Спуске, поняли это одновременно и молча. Расстояние до Лиора — не помеха механизму. Расстояние до Лиора и есть механизм. Чем ближе он и чем сильнее смотрит, тем крепче держит дорога; чем дальше отходит и отпускает взглядом — тем свободнее она может уйти.

Хуже всего было то, что понял это и сам Лиор. И Элиан увидел на его лице не только ужас. Мелькнуло — на один стыдный миг — и другое: если так, то стоит мне лишь быть рядом, и она никуда не денется. Мелькнуло и погасло. Но Элиан успел заметить.

К рассвету на переход поднялась Севра — из городской Палаты, та, что держит в Межени порядок. Немолодая, ровная, с той спокойной твёрдостью, с какой говорят люди, привыкшие, что их слушают.

Она оглядела Спуск, выслушала Орана, посмотрела на измотанную Ивену — и решила быстро, как решают, когда боятся, что дело выйдет из-под рук.

— До утра маршрут закрываем, — сказала Севра. — Ивена пока остаётся здесь, в Нижних Мостах, где спокойно. Общий след между ней и Лиором не снимаем — рвать связь резко опаснее, чем оставить. Утром разберёмся на свежую голову.

Всё звучало разумно. Всё звучало как забота. И оттого было почти незаметно, что каждым пунктом Ивену оставляли ровно там, откуда она хотела уйти.

А вокруг уже собрались жители, и по толпе шёл тёплый одобрительный говор. «Это ж какая связь у ребят», — говорила одна женщина. «Дорога сама не даёт разлучиться — это ж любовь, это ж крепость какая», — вторила другая. Из беды делали красивую сказку о сильной связи; из того, что человека не отпускают, — доказательство, что человек кому-то дорог.

— Мой сын ничего дурного не сделал, — вступила Эмра, встав перед Лиором. — Он и не думал никого держать. Он хороший мальчик. Что ж вы на ребёнка.

— Никто не винит мальчика, — сказала Леда. И повернулась к Севре: — Но личный след надо снять. Не общий — личный, тот, которым он тянет её к себе. Пока он тянет, она не уйдёт, сколько ни закрывай маршруты.

— Это называется не «сильная связь», — сказала Ивена. Голос у неё сел от усталости, но слова были твёрдые. — Это называется удержание. Меня держат. И то, что держат ласково и всем двором, не делает это чем-то другим.

Элиан всё это время слушал — Севру, Эмру, Леду, жителей — и ловил себя на том, что хочет ещё, ещё объяснений: чей след, как устроено, отчего возникло. Ему казалось, надо сперва понять.

— Вы все хотите сначала понять, — сказала ему Ивена, будто услышав. — А надо сначала меня выпустить. Сначала я должна выйти. Потом вы будете понимать. Не наоборот.

И Элиан осёкся. Она была права, а он — как весь двор — уже начал откладывать её свободу на «сначала разберёмся».

Севра стояла на своём: до утра — значит, до утра. И Ивена поняла — Элиан увидел это по её лицу, — что город выбрал сторону. Не злую сторону. Заботливую. Ту, что называется удержание безопасностью и оттого держит крепче любого злодея.

Дом Раздельных Путьей стоял на отшибе — туда в Межени приходили те, кому нужно было не помириться, а разъединиться по-честному: развести пути, что спутались.

Встретила их Аста — здешняя хранительница карт, немолодая женщина с сухими точными руками, что весь век раскладывала чужие маршруты и умела не накладывать один на другой.

Первое, что попросила Ивена, — закрытую комнату. Отдельную. Такую, где дверь затворяется и никто не войдёт без стука.

— Дадим, — сказала Аста просто. — И ты вправе не объяснять мне, зачем и почему уходишь. Причину держи при себе, сколько хочешь. Мне довольно знать, что ты хочешь отдельно, — этого хватит, чтоб дать тебе дверь.

Лиор ждал снаружи и надеялся, что Ивена выйдет к нему — поговорить с глазу на глаз. Ивена отказалась. Причины не назвала. Просто: не сейчас и не наедине. И Элиан, хоть ему и хотелось, чтоб они объяснились и он бы узнал больше, промолчал и принял её отказ. Это, кажется, тоже входило в правило.

В комнате Тильда, глядя на Ивену обоими взглядами, помогла ей сказать вслух то, что само не складывалось в одно.

— В тебе сейчас две правды разом, — сказала Тильда. — И обе настоящие. Ты хочешь уйти. По-настоящему хочешь, это не каприз. И ты боишься потерять Лиора, дружбу вашу, — тоже по-настоящему боишься. Тебе кажется, надо выбрать одну. А их две. Можно хотеть уйти и бояться потерять — сразу, вместе.

Ивена молчала. Но по лицу её Элиан видел: ей стало чуть легче — не оттого, что решилось, а оттого, что не заставили выбрать одно из двух и назвать это цельностью.

Комнату дали. Дверь у неё была старая, разбухшая, закрывалась туго — Ивена налегла плечом, и дверь пошла с трудом, со скрипом, но пошла и затворилась. И — странное дело — в этом тугом, честном щелчке не было ничего печального. Наоборот. Закрытая дверь здесь значила не «отвернулась», а «у меня есть своё место». Закрытая дверь — не спина, как говорят в Межени.

А Аста тем временем разложила городские карты — и вдруг остановилась над одной, старой.

— Погодите, — сказала она. — Это я уже видела. Вот эта деформация, эта петля обратно... Она не новая. Такая же была раньше. На семейном пути Порог.

Она подняла глаза на команду.

— Это началось не сегодня.

В архивной комнате Дома Раздельных Путьей пахло сухим деревом, старой калькой и тем особым холодком, каким тянет от давних, никем не тронутых бумаг.

Аста достала карту семьи Порог — вычерченную годы назад, ещё когда Сайра, старшая сестра Лиора, жила дома. По карте шли линии путей: кто куда ходил, чьи дороги как ложились.

И на этой старой карте была она — та же петля, тот же обратный сгиб, что держал сейчас Ивену. Только старше. Побледневшая, но та же.

Раньше подошёл к карте и повёл носом по линиям. Была там одна толстая, жирная линия — прямая дорога от места Сайры обратно к дому, самая заметная, будто главная. Пёс не пошёл по ней. Он остановился раньше — там, где две линии находили одна на другую, где путь ухода и путь возврата пересекались и путались. У наложения. И дальше не двинулся, сколько его ни звали: там, за наложением, физического следа для него уже не было. Только у людей.

— Тут две карты в одной, — сказала Тильда, водя пальцем по кальке. — Две несовпадающие версии одного и того же. По одной — Сайра ушла, и дорога тянет её домой. По другой... по другой всё иначе, и я пока не разберу как. Но их

две. И нельзя брать ту, что ярче нарисована, за единственную правду только потому, что она ярче.

А Карманыч замер, приложив ладонь к карте, и нахмурился.

— Тут не хватает вещи, — сказал он. — Была какая-то вещь, общая, семейная, — и она потерялась. Не знаю какая. Но её нет, а место её на карте осталось. Пустое.

— Значит, надо понять, что случилось с Сайрой, — сказал Элиан. Ему казалось — вот она, задача: разгадать сестру, что ушла.

— Нет, — мягко поправила Аста. — Сначала нужно понять, чей это след. Кто его оставил. Ты уже решил, что это след Сайры, — а мы этого ещё не знаем. Может, её. А может, и вовсе не её.

И, склонившись над картой с лупой, Аста показала то, от чего у Элиана похолодело внутри.

— Смотрите на даты. Сайра ушла вот тогда. А эта петля, обратная тяга, самая сильная линия назад, — появилась не тогда. Она появилась после. Уже после того, как Сайра ушла. Сначала человек ушёл — а дорога назад выросла потом, следом, без него.

Ушедшей уже не было — а путь, тянущий её обратно, всё крепчал. Значит, тянул не ушедший. Тянул кто-то из оставшихся. Ожидание, как и говорила Тильда, оказалось громче ухода — и оставляло след сильнее самого ушедшего.

Надо было идти в дом Порог, в комнату Сайры, — искать

потерянную вещь и начало этой петли. Команда собралась. А когда подошли к дому, Лиор был уже там: стоял у комнаты сестры, у распахнутой настежь двери, которую в этом доме, похоже, никогда и не закрывали, — и ждал их.

Глава 4. Кто держит место

Дверь в комнату Сайры была приоткрыта — и, кажется, стояла так всегда.

Во всём доме Порог двери затворяли по мере надобности, а эту — нет. Её держали приоткрытой, будто хозяйка вышла на минуту и вот-вот вернётся, и закрыть за ней значило бы признать, что она ушла надолго.

Эмра вошла первой — без стука. В свою комнату стучат; в комнату того, кого ждут каждый час, входят как в общую. Мелочь, но Элиан её отметил: в этот покой входили не спрашивая, будто места для чужого «можно?» тут и не было.

Комната была на вид живая и оттого странная. Прибранная, проветренная, ни пылинки. Вещи Сайры лежали не как у уехавшей, а как у той, что здесь ночует: расправленные, тёплые, наготове. На столике стояла её чашка — не сувениром, а в деле: её, видно, наполняли и опустошали, участво-

вали ею в каком-то домашнем обряде.

— Вот тут она обычно стояла, у окна, — показывал Лиор. — А отсюда поворачивалась к столу, так. Она недавно тут поворачивалась. Я чувствую свежий след.

«Поворачивалась». Не «поворачивалась когда-то», а будто на днях. Элиан слушал — и ловил в себе нехорошее: ему хотелось поверить. Геометрия комнаты была такая плотная, такая живая, что тянуло принять её за близость к самой Сайре — будто чем сильнее чувствуется место, тем ближе человек. Это был соблазн, и Элиан узнал его: тот же, что шептал ему нащупать даром того, кого он сам не помнит.

А Раньше тем временем делал своё — тихо, честно, носом по полу. Он пошёл от стола к окну, тем самым «поворотом», что показывал Лиор. Но след, по которому шёл пёс, был не тот. Раньше вёл не по шагу Сайры. Он вёл по шагу Лиора — по свежим, частым, сегодняшним следам мальчика, который сам ходил тут от стола к окну, поправляя, проветривая, храня. А одно движение, которое Лиор приписал сестре, пёс не повторил вовсе: там следа Сайры просто не было.

Белый ключ у Карманыча потяжелел — здесь, у окна, где стояли и вещи Лиора тоже.

— Он ошибается, твой пёс, — сказал Лиор. Не зло — испуганно. — Это её след. Смотрите, вот так она поворачивалась.

И, чтоб доказать, прошёл движение сам — ещё раз, от стола к окну. Своими ногами. Оставляя ровно тот свежий след,

который только что принял за сестрин.

На кухне Эмра рассказывала — тепло, обстоятельно, как рассказывают о том, что держит на плаву: как Сайра уходила и как обещала вернуться.

— Она сказала: «я вернусь», — говорила Эмра. — Прямо так. Я помню.

— И я помню, — подхватил Лиор. — «Я вернусь». Она мне это сказала.

Только когда Элиан стал осторожно расспрашивать — когда именно она это сказала, при чём, в каком разговоре, — оказалось, что точного случая не помнит никто. Фраза была, а вокруг неё туман. Может, Сайра сказала это, уходя навсегда. А может — обещая зайти к ужину, в какой-то давний обычный день. Слова остались, а час их потерялся, и теперь их можно было приложить к чему угодно.

У Карманыча в поклаже был Белый Укор — колокольчик, что молчит на правде и вздрагивает, когда человек говорит против совести.

— Я верю, что она вернётся, — сказала Эмра.

Колокольчик молчал. Ровно, тихо, ни звука.

— Вот! — Лиор аж подался вперёд. — Слышите? Молчит.

Значит, правда. Значит, вернётся.

— Нет, — сказал Элиан как мог мягко. — Он молчит не поэтому. Укор не знает будущего. Он не скажет тебе, вернётся Сайра или нет, — этого не знает никто. Он слышит только, честен ли человек сейчас. Твоя мама вправду верит, что Сайра вернётся, — искренне, всем сердцем. Вот об этом он и молчит: что она не притворяется. Но «искренне верит» и «так будет» — не одно и то же. Можно всей душой верить в то, чего не случится.

Лиор замолчал. Ему очень не хотелось это принимать.

— И потом, Лиор ведь сам, — добавила Эмра, погладив сына по голове. — Он сам захотел хранить её место. Никто его не заставлял. Сам вызвался беречь комнату, чашку, ждатель. Такой уж он у меня.

И вот тут колокольчик дрогнул. Не звоном — вздрогнул краем, будто хотел зазвонить и не решился, будто в этих словах была часть правды и часть неправды разом. Лиор захотел — да. Но захотел ли сам, по своей воле, или это уже потом ему сказали, что он захотел сам, и он поверил, — того колокольчик не разбирал, а только дрожал над надтреснутым местом.

И Лиор — Элиан увидел — услышал эту дрожь первым. Раньше матери, раньше всех. Услышал, как колокольчик усомнился в его «сам захотел», — и быстро отвёл глаза.

К позднему утру сели за общий стол — обсудить, как вести проверку дальше. Эмра по привычке поставила на стол и чашку Сайры. Четвёртую. На пустое место.

И дальше вышло странное. Когда речь заходила о деле — куда идти, что проверять, — Эмра нет-нет да и спрашивала: «А что бы Сайра выбрала?» Будто дочь сидела тут, четвёртой, и у неё был голос в разговоре.

— Она бы сказала — искать у реки, — отвечал Лиор. Уверенно. За неё. — Сайра всегда так думала.

Он отвечал за сестру легко, не запинаясь, — как отвечают за того, чьё место давно заняли собой, сами того не заметив.

Карманыч всё это время смотрел на чашку — своим цепким взглядом того, кто определяет вещам истинного хозяина.

— Занятная чашка, — сказал он наконец. — Только она уже не Сайрина. Я по вещам вижу хозяина — так вот эта больше не её. Она теперь принадлежит не человеку, а обряду. Не Сайра ею пьёт — ею каждый день доказывают, что Сайра вот-вот придёт. Вещь ушедшего, ставшая работой живых.

— Давайте уберём её, — сказал Элиан. — Не насовсем. На время проверки. Чтоб она не путала следы — ни ваши,

ни наши. Просто отставим в сторону.

И потянулся убрать чашку с пустого места.

Лиор дёрнулся, будто убирали не чашку, а что-то живое.

— Не надо, — сказал он. И Элиан увидел: мальчику вправду стало худо. Не капризно — телесно. — Уберите обратно. Пожалуйста. Когда её нет... комната проваливается. Пол проваливается. Будто без неё всё сейчас обрушится внутрь.

Он не играл. Он держал это место так давно и так изо всех сил, что стоило вынуть одну чашку — и у него уходила земля из-под ног. Не у Сайры. У него.

— Вы что же, — тихо сказала Эмра, и голос у неё задрожал, — хотите сказать, что её нет? Что можно взять и убрать, будто её и не было? Вы мне дочь хороните этой чашкой.

Ей было больно по-настоящему — и Элиан не стал спорить. Нельзя доказывать матери логикой то, что отнимает у неё надежду.

Чашку вернули на место. Эмра поставила её сама, обеими руками, бережно, — и по этому жесту стало ясно: она пока не может отделить память о дочери от ежедневного действия, которым дочь удерживают. Помнить и держать были для неё одним. Разнять их она была не готова.

В полдень вернулись в комнату — проверить белый ключ.

Ключ был странной вещью: он не отпирал дверей, не чертил маршрутов, не показывал видений. Он только тяжелел — сильнее там, где что-то важное, слабее там, где пусто. Больше он не делал ничего, и Элиан, чего скрывать, был этим слегка разочарован: как хотелось бы, чтоб ключ просто взял и открыл всё разом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.